

**АЛЕКСАНДР
КРЕШТОП**

**СОЛДАТ
ДОНБАССА**

РЕДАКЦИЯ
КПД

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос = Рус)6

К80

Серия «Русская Реконкиста»

Разработка серии и дизайн *В. А. Воронина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противозаконным и преследуется
по закону*

Крештоп, Александр «Араб»

К80 Солдат Донбасса / Александр «Араб»
Крештоп. — Москва: Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград»; Редакция
«КПД», 2026. — 256 с. — (Русская Рекон-
киста).

ISBN 978-5-17-187672-2

Повесть из историй, весёлых и мрачных, военных и любовных, почти сказочных и реальных до жути — от солдата и волонтёра Донбасса, шахтёра, ополченца 2014 года, мужа и отца. Боевая работа, окопная правда, фронтовое goad movie, русская фантазмагория. В персонажах угадываются легендарные Александр (Багя) Захарченко, Евгений (Гайдук) Николаев, русский писатель и подполковник Захар Прилепин, другие выдающиеся личности этой войны. Но главное в этой предельно искренней и незаурядной книге — проступающий через донбасский орнамент образ главного героя/автора — пехотинца большой Судьбы, рядового геополитических катаклизмов, весёлого солдата Империи.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос = Рус)6

© Александр «Араб» Крештоп, 2026

ISBN 978-5-17-187672-2

© ООО «Издательство АСТ», 2026

*За свою жизнь я благодарен Богу
и родителям.*

*Посвящается моей жене, рядом с которой
я стал тем, кто я есть.*

Когда так много позади
Всего, в особенности — горя,
Поддержки чьей-нибудь не жди,
Сядь в поезд, высадись у моря.
Оно обширнее. Оно
И глубже. Это превосходство —
Не слишком радостное. Но
Уж если чувствовать сиротство,
То лучше в тех местах, чей вид
Волнует, нежели язвит.

Иосиф Бродский

* * *

Мой дед по материнской линии был родом из Белоруссии. Деревня была где-то под границей с Польшей. Было это, естественно, до Великой войны. Отец его, прадед мой получается, жил не припеваючи, но достаток имел и уважение в народе тоже. Дом, лошади и коровы, люди рабочие. Почти помещик. Достаток как раз и подвёл, так как время было такое, приходили и забирали и сам достаток, и людей, достатком владевших. Ещё он был упрям. И смел.

Мой дед часто рассказывал, как, будучи мальцом, нарушил режим и не спал в положенное время ночью, а подслушивал разговор, доносившийся из кухни.

— Степан Макарыч, уходи. Лесом, через речку и до поляков. Схоронись, прошу. Придут сегодня за тобой.

— Отродясь ни от кого не бегал и сейчас не стану. Ничего супротив закону не сделал, правда за мной, — отвечал прадед.

— Ну смотри, воля твоя. Я предупредил.

Вообще, свобода воли — это самый невероятный подарок и кара Божья.

Нельзя волю сломить, нельзя сломать выбор человека. Он может поддаться на уговоры, чтоб отстали, но при своём всегда останется. Единственно, эта самая свобода воли по большей части людьми криво используется, не всегда на благо, а зачастую на потеху людям или в угоду своим прихотям, амбициям, грехам...

Но в данном случае кривость не про прадеда. Он говорил и делал, как и дед впоследствии — правду-матку, как он её видел, как жил и понимал. По-честному старался. Не обманул сосед. Приехали ночью. Дед до самой смерти помнил звук мотора автомобиля. Постучали, поздоровались. Прадед буркнул в ответ и сам пошёл. И больше его не видели. Остались дом и три сына, да ещё много родни. Дед мой средний был. Его забрали в детдом. Одного. Остальных раздали по родне.

— Так всю жизнь и думаю — почему меня? Одного? Среднего? Не старшего или младшего, а меня? — до конца держал в душе он этот обидный вопрос, да так и не нашёл ответа. Говорил он это мне с тёмной грустью в глазах незадолго до смерти.

Как сейчас помню — я сидел на порожке в три ступени на входе в дом, что он сам своими руками построил, а дед сидел на таком же порожке в те же три ступени, только летней кухни. Так у нас домишко называется, который используется только летом. Хотя, по сути, там и печь, и кровать, и стол. Маленький домишко на одного, ну, или двоих, живи — не тужи. От порога до порога метров пять, может семь. Долго гутарили, честно, без обиняков. Такую грусть я редко в человеческих глазах видел после. Но, стоит сказать, и такую радость тоже.

— В детдоме жили — не тужили. На солнце загорали даже, по пять минут на сторону, чтоб солнечного удара и ожога не было. За этим специальная нянечка следила. Кормили по-разному. Порой убегали на соседние огороды воровать огурцы. Хозяева ловили и лупили, но это не останавливало.

Потом война. Помнил, как бой был рядом с ними. Наши танки горели, а помочь танкистам, раненым, некому было. Вот они, мальчишки, и доставали бойцов из танков, стягивали

с техники и тащили в безопасное место. Лет им, мальчишкам этим, было от семи до пятнадцати, плюс-минус. Потом помнил, что увезли их в тыл. Тут им было скучно, переживали. По ночам ловили предателей, которые перед авианалётом разжигали сигнальные огни, сюда, мол, бейте.

Так и дожил до армии. Война закончилась пару лет как, отбывал воинский долг ближе к северу. Там хотели из него водителя сделать. Дед ни в какую. Заставили. Но, видать, командир не знал про свободу воли. Дед сказал — не буду. Короче, он свой грузовик утопил в ближайшем болоте. Чуть не расстрелял глупый командир, но рядом был другой, постарше званием и мудростью жизни. Спасибо ему. Он всё понял и отпустил деда.

Армия прошла, а кушать хочется. Работа подходящая была на Донбассе. Вот мой дед и поехал туда. Сюда то есть. Сразу в шахту, чего тянуть. И, чтоб не скучно, в итоге взрывником стал. Это люди такие, они, приходя на работу, шли на склад, получали взрывчатку килограммами, спускались на глубинную глубину и шли в самый дальний конец

тёмной норы — в забой. Там, в заранее подготовленные шпурь, это отверстия, пробуренные в породе, закладывал своё огненное орудие, привязывал провода и на расстоянии, после того, как просвистят три свистка, крутил крутилку своей адской машинки. Происходил взрыв. Он выворачивал на несколько метров вперёд слежавшуюся глыбу тысячелетней породы угля и камня. На курсы повышения квалификации ездил. Однажды даже сын Стаханова их учил. Такая страна. Там, на Донбассе, мою бабку и встретил.

Потом часто бубнил, вечно ругался то на власть, то порой и на детей. Пока сполохи разума в моем мозгу не начали прорасти, я не понимал, о чём он. А потом понял. Брата меньшего своего он в итоге спустя много лет нашёл. В Ленинграде. И я его видел. Даже однажды в гостях был. Дед пережил брата своего и очень горевал, когда пришло письмо о смерти. Через три недели пришло. Видать, тамошние, ленинградско-питерские родственники боялись, что дед мой захочет квартиру по наследству забрать себе. Идиоты. Бог им судья.

— Дед, чего ты недовольный?

— Да как сказать, вокруг все такие коммунисты, а сами воруют многие. Или просто в глаза врут. Или не работают, как положено. Но кулаком себя в грудь бьют. А я детей растил и думал, что вырастут и передушат их всех. А не вышло. Ну хоть выучились. Спасибо советской власти. Сами, бесплатно, не то что сейчас.

— Дед, вот скажи, вот так или иначе ты всегда за коммунистов, за советскую власть. Это я понял, ты там жизнь прожил. Детей родил, обучил, пристроил всех. Но вот одного не пойму — при всех благах, что тебе то государство дало, при тебе всегда остаётся факт — то же государство у тебя ведь и семью разрушило. Ты сын кулака и врага народа. Как так?

— Ну вот так, — ответил он.

Моя прабабка по той же материнской линии была родом из гоголевской Украины. Работала наймычкой у немцев зажиточных. В Союзе были такие до определённого момента. Они, правда, не при Союзе появились, а при Екатерине ещё вроде. Так говорят. И был у тех немцев сын. Пригля-

нулась ему моя прабабка. Или просто по-молодому захотелось сочного тела. В общем, обрюхатил её. Мать его ни в какую признавать того факта не хотела. Выгнала мою бедную прабабку со двора. А та и не знала, что делать. Позор-то какой. Как же так? Вспомнила про брата своего. Милиционером был, тоже, как оказалось, на Донбассе. Связалась, объяснилась. Настоящим брат оказался.

— Езжай ко мне. Я тебя в обиду не дам.

И прикрыл. Приютил. Потом и муж нашёлся. Не постеснялся, как сейчас принято говорить, что девушка с прицепом была. Принял прицеп как собственную дочь. Потом ему награда была за то — четверых ещё детей родила. Но оставались беда и нервозность. Прабабка честной была, дочь свою, бабку мою то есть, записала в свидетельство как дочь того самого немца. А пришло как раз время, когда немцев всех резко стали не любить и выселяли. Далекое. Знали куда, а знания не хватало понять, насколько далеко. Брат снова помог, прикрыл. Так и выросла моя бабка. С немецкой

кровью. Выросла, а дед мой приехал работать в ту же деревню. Поженились, нарожали детей. И прожили свою жизнь. Трудились жутко, бабка даже шахтный ствол рыла, пока женщинам не запретили работать под землёй. Ствол — это вертикальная дыра в земле такая, если кто не знает, диаметром несколько метров, а глубиной и больше километра бывает. А дед из-под земли и вовсе не вылезал. Как на пенсию вышел, так все зубы разом и выпали. Ходил со вставной челюстью.

— Черти, нам взрывчатку же давали. А что она вредная, никто и не говорил. Так голыми руками и пользовали её. А она тем временем через кожу рук впитывалась и впитывалась. Вот зубы и выпали. Сами. Прямо в один год.

Вот ещё. Татуировки у него были. Нравились мне всегда. Дед ест за столом, а я руки рассматриваю. И так же хочу. Поели и в шахматы играть.

Второй дед, по отцу, рано ушёл. Мал я был. Помню только, что в шашки он круто играл. Я его за все время два раза только случайно обыграл. Он

не поддавался ни в какую. Не поддавался, с улыбкой и с прищуром всегда смотрел. И брился электробритвой. Ух, как я на неё смотрел, в руках крутил. Этот дед мне даже малому включал её в розетку, вибрирующую, прислонял к моей щеке. Ммм, блаженство. И пофиг, что дед прислонял боковой стороной, не режущей частью, чтоб кожу детскую не ранить, радость то была у меня настоящая, с большими глазами. Я пару лет назад тоже, видимо с детства от деда приняв, бритву себе купил электрическую. Ещё помню, как на его похороны пришла тьма-тьмущая людей. Редко на посёлке такое бывало. Уже много лет спустя, заканчивая школу, зашёл к однокласснику своему. Его дед, живой на тот момент, был гордостью города и носитель славного звания «Герой Социалистического Труда». Мы поздоровались.

— Как зовут? — спросил он, я представился.

Фамилию уточнил ещё раз, глядя на моё лицо.

— Знаю, знал то есть, твоего деда. На шахте вместе работали. Ох и безбашенный был. Закрывал меня

в каптёрке на ключ со всеми, кто там
был, если замечал, что мы пьём водку.
Героя. Закрывал. И не боялся.

* * *

«Словно пахари на поле
В небе рыщут самолёты.
Оставляют свой красивый,
Светлый след грядущей смерти.
Всё стремятся ближе к фронту,
Посмотреть звериным взором
Сверху —
Там горнило нашей жизни!
Там среди разных человек
Вдруг рождаются Герои!
И молочный светлый парень
Там с утра
В бою
Уж сделался мужчиной».

День первый

Хотя какой это день. Почти восемь
вечера. Давайте лучше так.

Вторник

А почему вторник, а не, скажем,
понедельник или пятница, спросите?
А потому. Во вторник всё было.